

Михельс Р.

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Большинство социалистических школ считают в будущем возможным достижение демократии, а большинство людей аристократических взглядов признают ее хотя и общественно вредной, но осуществимой. Вместе с тем есть и консервативное течение в ученом мире, которое эту возможность исключает полностью и на все времена. Это течение [...] проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества “классовой политики”, т. е. политики господствующего класса — класса меньшинства.

Неверующие в Бога демократии не перестают называть ее детской сказкой, утверждая, что все слова языка, включающие в себя господство массы, — “государство”, “народное представительство”, “нация” и т.д.— выражают только принцип, но не действительное состояние. Им принадлежит и теория о том, что вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы, по их мнению, состоит лишь в замене — одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами. [...]

Вильфредо Парето [...] предложил рассматривать социализм как особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса, усмотрев симптом внутренней силы — этот первый реквизит молодого “политического класса” — в способности его вождей противостоять преследованиям и надругательствам и выходить из них победителями. Впрочем [...] фактически совершается не замена, а скорее переплетение новых элементов элиты со старыми.

Этот феномен был, пожалуй, уже известен. Такая циркуляция элит совершалась, правда, только в пределах одного и того же большого социального класса и на почве политики. [...] Все силы оппозиционной партии направлены на вытеснение правящей партии, чтобы занять ее место, другими словами, заменить одну группировку господствующего класса другой. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными группировками господствующих классов заканчивается примирением, неосознанный мотив

которого — сохранение таким образом господства над массами или же его разделение. [...]

Школа Сен-Симона не представляла себе будущее совсем без классов, хотя и ставила перед собой задачу освободить понятие “класс” от всякого экономического содержания. Она предполагала создать новую иерархию, хотя и без всяких привилегий от рождения, но с огромными приобретенными привилегиями — из “людей наиболее дружелюбных, умных, сильных создать живое олицетворение ускоренного прогресса общества”, способных к управлению в широком смысле слова. [...]

Позднейшие социальные революционеры отвергали правление большинства не только в теории, но и на практике. Бакунин выступал против всякого участия рабочих во всеобщих выборах, ибо был убежден в том, что и само свободное избирательное право в обществе, где народ, массы наемных рабочих в экономическом отношении зависят от имущего меньшинства, станет по необходимости иллюзорным.

Из всех буржуазных порядков демократия представляет собой самый наихудший. Республика, в которой мы видим все же наивысшую форму буржуазной демократии, отличается, по Прудону, самым мелочным, фанатичным духом правления. Это правление исходит из того, что может все совершать безнаказанно по единственной причине — [...] деспотизм всегда можно оправдать необходимостью действовать во имя республики и общего интереса. Даже политическая революция означает не более чем смену авторитета.

Единственной научной теорией, которая может претендовать на серьезный спор со всеми теориями, старыми или новыми, выдвигающими тезис о неизбежной необходимости длительного существования “политического” класса, является марксистская. Она отождествляет государство с господствующим классом. [...]

Марксистское учение о сущности государства, связанное с верой в революционную силу рабочих масс и демократическое воздействие обобществления средств производства, логически ведет к социалистическому строю. С точки зрения марксистов, капиталистический способ производства приводит к превращению подавляющего большинства населения в пролетариев и порождает, таким образом, сам по себе собственных могильщиков. После того как пролетариат мужает и становится зрелым, он овладевает политической

властью и объявляет частную собственность государственной. Этим актом он устраняет самого себя, поскольку вместе с ней исчезают все классовые различия, а тем самым — и все классовые антагонизмы, другими словами, он упраздняет государство в качестве такового. Капиталистическое общество, разделенное на классы, нуждалось в государстве для организации господствующих классов с целью сохранения их способа производства и эксплуатации пролетариата. Прекращение существования государства равнозначно, таким образом, прекращению существования господствующего класса.

Но новое, бесклассовое, коллективистское общество будущего, которое установится на развалинах старого государства, нуждается в элите, если даже речь идет о всех предупредительных мерах, сформулированных в Общественном договоре Руссо, а затем включенных в Декларацию прав человека и гражданина Великой французской революции (особенно о сменяемости на всех должностях).

Удовлетворительно управлять общественным богатством можно, только создав широкий слой чиновничества. Но в этом вопросе вновь возникают сомнения, последовательное осмысление которых ведет к полному отрицанию возможности бесклассового государства. Управление гигантским капиталом, особенно если речь идет о средствах, принадлежащих коллективному собственнику, предоставляет управляющим по меньшей мере столько власти, что и обладание собственным капиталом, частное владение. Не заключена ли в этом возможность того, спрашивали ранние критики марксистского общественного строя, что тот же самый инстинкт, побуждающий частных владельцев передавать накопленные ими богатства в качестве наследства своим детям, побудит распорядителей общественных средств и благ в социалистическом государстве использовать свою огромную власть для передачи должностей по наследству своим сыновьям?!

А кроме того, формирование нового господствующего меньшинства в результате того особого типа социализации, который вытекает из марксистской концепции революции, будет опираться на мощный фундамент. По Марксу, между капиталистическим и коммунистическим обществом находится период революционного превращения первого во второе, экономический период, которому соответствует переходный период, государство которого может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата. А если отказаться

от употребления эвфемизмов, это революционная диктатура тех вождей социалистов, у которых от имени социализма хватит сил и умения взять из рук умирающей буржуазии скипетр господства. [...]

Диктатура одного лица существенно не отличается по своим последствиям от диктатуры группы олигархов. Но понятие “диктатура” противоположно понятию “демократия”. Использовать первое во имя второго было бы равнозначно использованию войны в качестве самого надежного оружия мира, а алкоголя — как лекарства от алкоголизма. Можно предположить, что группа, однажды овладевшая коллективными средствами власти, будет стремиться эту власть удержать. [...] Есть поэтому угроза, что социальную революцию, ощутимую и зримую, сегодняшней господствующий класс [...] поменяет на тайную, выступающую под покровом равенства демагогическую олигархию. [...]

Проблема социализма — это не только экономическая проблема, состоящая в том, насколько осуществимо справедливое и экономически более эффективное распределение богатства, но и проблема управления, проблема демократии, причем как в смысле техническом, так и психологическом. [...]

Социологические явления, отмеченные нами в общих чертах в предыдущих главах, предоставляют, таким образом, научным противникам демократии предостаточное число аргументов. Они, кажется, ясно указывают на невозможность существования цивилизованного человечества без “господствующего”, или политического, класса, обнаруживая признаки, свидетельствующие, что [...] господствующий класс, если даже по своему составу и подвержен частым частичным переменам, представляет собой единственный фактор, имеющий непреходящее значение во всемирной истории. Правительство, или в ином случае государство, может быть, таким образом, всегда лишь организацией меньшинства, стремящегося навязать остальной части общества “правовой порядок”, порожденный отношениями господства и эксплуатации [...] и никогда не может быть порождением большинства, не говоря уж о том, чтобы быть его представителем. Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса. Большинство человечества,

обреченное жестоким фатализмом истории на вечное “несовершеннолетие”, будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с ролью пьедестала для величия олигархии.

Формула о необходимости смены одного господствующего слоя другим и вытекающий отсюда закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах ни в коей мере не опровергают материалистическое понимание истории, не подменяют его, а только дополняют. Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой. Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение. [...]

Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев. Возникает соблазн назвать это трагикомедией. Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ. Рабочим лишь выпадает честь быть участниками формирования правительства. Весьма скромный результат, если иметь в виду психологический феномен, когда самый что ни на есть благонамеренный идеалист за короткий период пребывания на посту вождя вырабатывает в себе качества, характерные для вождизма. В среде французских рабочих возникла поговорка: “Если выбрали, значит, пропал”. [...]

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социал-демократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом, а, напротив, в социальном отношении скорее классовой смесью. Ибо состоит она из элементов, выполняющих в экономическом процессе вовсе не одинаковые функции. Классовое происхождение программы обуславливает между тем мнимое классовое единство. При этом все исходят из допущения (правда, не произносимого вслух), будто элементы в партии, не принадлежащие классу, приносят в жертву

свои собственные интересы, противоречащие интересам тех, кто к классу принадлежит. Будто они подчиняются “идее” чуждого им класса по принципиальным мотивам. Будто все социалисты теоретически без всяких различий, невзирая на их экономическое положение в частной жизни, признают абсолютное превосходство позиции определенного большого класса. Будто пролетарские и не чисто пролетарские элементы, находящиеся в нем, “учитывают историческую точку зрения рабочего класса, признают его в качестве ведущего класса”. Так обстоит дело в теории.

На практике же большое несовпадение в интересах между трудом и капиталом не может быть устранено принятием какой-либо программы. Некоторые из немногочисленных представителей высших слоев общества, перешедших на сторону политической организации рабочего класса, будут ему преданы, но они “деклассируются”. Большинство из них экономически по-прежнему будет иметь противоположные интересы, независимо от внешней идейной общности с пролетариатом. Иными словами, налицо противостояние интересов. Но в балансе интересов решающим является отношение, в котором представители непролетарских слоев находятся к наипервейшим потребностям жизни. В итоге между буржуазными и пролетарскими членами партии вполне может сложиться экономическая противоположность, перерастающая в политическую. Через идеологическую надстройку экономический антагонизм становится явным. В этом случае программа является мертвой буквой, а под “социалистическим” флагом то там, то здесь в партийном доме вспыхивает настоящая классовая борьба. [...]

Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная [...] заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями. Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия — это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. [...]

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.

[...] Высший слой вождей в политически организованном международном рабочем движении в большинстве состоит из парламентариев. [...]

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, — свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самых авторитетных своих представителей на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую большую пользу. Авторитет парламентария возрастает по еще двум причинам. С одной стороны, в результате того, что, чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишить в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете — от партийного руководства. [...] В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредованна. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан в конечном счете своим положением неорганизованной массе. [...]

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там. Это убеждение определяет отношение масс к своим парламентариям. Положение фракции в рейхстаге становится решающим моментом, высшим законом во многих вопросах. Массы старательно избегают любой резкой критики, способной каким-то образом ослабить позиции парламентской фракции, даже если эта критика носит принципиальный характер. Если же ее не удастся избежать, то она из-за тех же опасений опровергается и решительно осуждается вождями. [...]

Опираясь на более высокую компетенцию по отдельным вопросам, депутаты фракции социалистов считают, что они стоят выше съездов, судов своей партии и могут претендовать на право принятия решения. Так, многие члены социал-демократической фракции в Германии хотели решить так

называемый вопрос о вице-президенте или кайзерстве в самой фракции, т. е. в обход партийному съезду. [...]

Вожди парламента — как социалистические, так и буржуазные — присваивают права и приобретают черты закрытой корпорации и в отношении оставшейся части партии. Германская социал-демократическая фракция в рейхстаге неоднократно дезавуировала по своей воле отдельные важные составные части политики своей партии. [...]

Еще более резко, чем в политической партии, господствующий характер вождей и их стремление управлять демократическими организациями по олигархическому принципу проявляются в профсоюзном движении.

Зарождение любого профсоюзного движения показывает, к какому широкому отрыву от демократии приводит первоначально демократическое рабочее движение централизованная бюрократия. В профсоюзах чиновникам еще легче осуществлять и продолжать практику, которая не устраивает большинство представляемых ими членов...

Уже в течение многих лет центральные правления профсоюзных объединений отняли у своих членов и оставили только себе право определять подъемы и спады движений за повышение заработной платы [...] а также решать вопросы о том, является ли та или иная забастовка “оправданной” или нет. Поскольку руководители союзов обладают значительными суммами, то и дело спор идет вокруг того, чтобы выяснить, кому принимать решение об “оправданной поддержке” забастовки. Здесь перед нами встает вопрос, затрагивающий жизненный нерв демократического самоуправления и самоопределения профсоюзных коллективов. Если на решение этого ключевого вопроса претендуют вожди и, более того, уже захватили его в свои руки, то это означает только одно: они исключают принцип элементарнейшей демократии и сами открыто провозглашают себя олигархами, в то время как массы, оплачивая расходы на содержание олигархов, должны с этим мириться. Конечно, это стремление вождей можно оправдать, исходя из соображений тактики и компетенции. Но здесь речь о другом. Для нас важно лишь обратить внимание, сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т. д.) и олигархий пролетарских.

Характерно, что социал-демократические вожди в Германии признают существование явно выраженной олигархии в профсоюзном движении, а

профсоюзные вожди — существование олигархии в социалистической партии. Но о себе каждая заявляет, что она-то обладает иммунитетом против всех бацилл олигархии...

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс...

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их от дел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих и размышляющих за развитием ее жизни, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям и эмоциям. Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опасения внести сумятицу в лагерь противника), являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации. В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

Фактическое превосходство рабочих вождей над руководимыми ими массами и твердая воля не идти у них на поводу, а даже, наоборот, иногда отказывать им в послушании признаются порой самими вождями с откровенностью, граничащей с цинизмом. [...]

Итак, представители социалистов в парламенте служат пролетариату, но при непременном условии, что он не требует от них совершать глупости. В случае допущения последних вожди отказываются выполнять волю руководимых ими масс и выступают против них. Это понятие “не совершать глупости” каждый раз, разумеется, истолковывают сами представители, чем обеспечивается их единоличное право решения по всем вопросам.

Концентрация власти в руках относительно немногих, как это имеет место в рабочем движении, с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению ею. “Представитель”, ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами — это истина, которую познал еще Гёте, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Крайности конституированной партийной власти воспринимаются партией, выступающей против государственной власти, как естественная необходимость. По отношению к своим вождям масса проявляет гораздо больше послушания, чем к правительствам. Она терпит от них даже многие несправедливости, которые не потерпела бы от правительства...

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых соглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений...

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы

направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. [...]

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край, способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действующих лиц, свергающих власть партийной олигархии, поскольку прямое вмешательство масс всегда происходит вопреки воле вождей. Если не считать этих эпизодических нарушений, то естественное и нормальное развитие организации по-прежнему накладывает и на революционно-социалистические партии печать устойчивости и покоя.

[...] Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него. [...]

Избранный вождь в силу демократичности своего избрания склонен в большей степени считать себя представителем общей воли и требовать в качестве такового послушания и подчинения себе, чем прирожденный вождь аристократии. [...]

Сами вожди, когда их упрекают в недемократическом поведении, ссылаются на волю масс, которая терпит их, т.е. на качества своих избирателей и себя как избранных. До тех пор пока массы выбирают и переизбирают нас вождями, утверждают они, мы остаемся законными представителями массовой воли и образуем с ней единое целое. При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю. [...]

В условиях демократии вожди основывают свое право командования на фикции демократического всевластия масс. Каждый партийный чиновник получает свое место от массы и зависит от ее благоволения во всем, что касается его существования и действия. Ведь в условиях демократии каждый, по меньшей мере косвенно, отдает себе приказ выполнять поступающие ему сверху указания в высшей степени самостоятельно.

С точки зрения теории защита вождями принципа “требовать подчинения масс” абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание. [...] Бюрократ также легко верите в то, что он знает потребности масс лучше, чем они сами. [...]

Печатается по: Диалог. 1990. № 5, 9; 1991, №4.